

Пушкин и Ян Потоцкий

Написанное, по-видимому, незадолго до смерти поэта, стихотворение «Альфонс садится на коня» не привлекало к себе особенного внимания исследователей и расценивалось обычно как «начало незавершенного замысла». Такой оценке до известной степени способствовали найденные в рукописях Пушкина отдельные строки, которые, впрочем, следует считать отброшенными вариантами, а никак не продолжением «незавершенного замысла»¹. Сопоставление этих строк с окончательным текстом стихотворения лишней раз свидетельствует о напряженной работе Пушкина над словом.

Б. В. Томашевский, комментируя это стихотворение, указывал: «Некоторые детали сближают данное стихотворение с эпизодами из французского романа Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагоссе» («Десять дней жизни Альфонса Ван-Вордена»)»². Прежде чем обратиться к образному строю стихотворения «Альфонс садится на коня», напомним, что на протяжении длительного времени Пушкин, так же, как и его друг Вяземский, проявлял, судя по известным нам фактам, интерес к жизни и многообразной деятельности Яна Потоцкого, интерес, отмечаемый и польскими биографами автора «Рукописи, найденной в Сарагоссе»³. Пристальное внимание Пушкина к Потоцкому объясняется, как мы можем предположить, многими фактами, обусловившими уже в наше время появление переводов «Рукописи» на разные языки и литературы о ее авторе, насчитывающей уже много десятков названий⁴. Еще в «Путешествии в Арзрум» поэт цитирует Плиния, ссылаясь на Потоцкого, «коего ученые изыскания столь же занимательны, как и испанские романы»⁵.

Обратим внимание на множественное число, примененное Пушкиным в данной фразе по отношению к научным трудам и романам Потоцкого. Если трудно установить, какие «ученые

¹ См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. III М—Л, Изд-во АН СССР 1949, стр. 1046.

² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. III. М.—Л., 1949, стр. 524; см. также т. IV, стр. 784.

³ См.: напр.: *Leszek Kukulski. Dosłowie.*—В кн.: *Jan Potocki. Rękopis znaleziony w Saragossie.* Warszawa, 1965, str. 771.

⁴ Отметим также состоявшуюся 17.—19 апреля 1972 г. в Варшавском университете международную сессию «Jean Potocki et le Manuscrit trouvé à Saragosse».

⁵ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. IV, стр. 652.

изыскания» читал Пушкин⁶, то упоминание о «романах» не оставляет сомнения в том, что он знал оба романа, опубликованные Потоцким незадолго до смерти в качестве фрагментов «Рукописи»: «Avadoro, histoire espagnole, par M(onsieur) L(e) S(omte) J(ean) P(otocki)» и «Les dix journées de la vie d'Alphonse van Worden».

В наши задачи не входят такие темы, как история создания этих романов, трансформация некоторых образов, созревание концепции «Рукописи», — рассмотрим лишь отражение ее образов в стихотворении Пушкина и стимулы, побуждавшие поэта незадолго до конца своей жизни вновь обратиться к этой трагической фигуре польского Просвещения.

О «незавершенности» пушкинского стихотворения едва ли можно вообще говорить. Нельзя и допустить мысли, что у Пушкина возникло намерение сделать поэтическую «транскрипцию» романа (пусть даже одного из «слагаемых» всей «Рукописи»), в котором появляются столь многочисленные действующие лица, вступающие в столь сложные сюжетные взаимоотношения, не говоря уже о том, что мудрость и проницательность Пушкина, разумеется, не изменили ему в последние годы жизни, и подтекст романа был ему достаточно ясен, невзирая даже на то, что последние «дни» были тогда еще не опубликованы⁷.

Итак, в первых строках стихотворения содержатся увещания трактирщика, рассказывающего юному Альфонсу ван Вордену, герою «Рукописи», о тех опасностях, которые поджидают путника, отправляющегося из Андухар через горы Сьерра-Морены. «На всем пути от Андухар до трактира, называемого Вента Кемада, нигде не было ни воды, ни тени»⁸.

Другая вента далека,—

говорит Альфонсу ван Вордену пушкинский трактирщик (собственно, этого слова Пушкин избегает, предпочитая ему «хозяина» венты). Но юноша пускается в дорогу:

И дон Альфонс коню дал шпоры

Сопоставим далее повествование Потоцкого с путешествием пушкинского героя: «Долина Лос Эрманос начинается в том ме-

⁶ Судя по «Путешествию в Арзрум», имеется в виду «Voyages à Astrakhan et dans les cantons voisins» (публикация Жюля Кляпрота, 1827, русский перевод в том же году в «Северном архиве») или полный текст — «Voyages à Astrakhan et du Caucase», 1829, имевшийся в библиотеке Пушкина

⁷ Напомним попутно, что французский оригинал романа, находившийся в 40-х годах прошлого столетия в руках Эдмунда Хоецкого (он издал в 1847 г польский перевод «Рукописи» и дал торжественное, но, увы, оставшееся невыполненным, обещание издать полчище), пока еще не найден

⁸ Ян Потоцкий Рукопись, найденная в Сарагоссе М., «Наука», 1968, стр 7 В дальнейшем все ссылки даются по этому первому русскому изданию «Рукописи».

сте, где Гвадалквивир течет по равнине; долина эта названа в честь троих братьев⁹, которых общая склонность к разбоям соединяла куда крепче, нежели узы кровного родства; именно это место долгое время было ареной их гнусных подвигов. Из троих братьев двое были пойманы, и, въезжая в долину, можно было видеть тела их, качающиеся на виселице, однако старший, по имени Зото, бежал из королевской тюрьмы и, как говорили, укрылся в горах Альпухары. Удивительные вещи рассказывали о двоих братьях-висельниках; правда, никто не утверждал, что это призраки, но все уверяли, что не однажды по ночам тела их, оживленные чарами сатаны, срываются с виселицы и тревожат живых»¹⁰.

Пушкин конденсирует этот рассказ, внося новые эмоциональные акценты:

Вот выезжает он в долину,
Какую ж видит он картину?
Кругом пустыня, дичь и голь,
А в стороне торчит глаголь,
И на глаголе том два тела
Висят. Закаркав, отлетела
Вагага черная ворон,
Лишь только к ним подъехал он.
То были трупы двух гитанов,
Двух славных братьев-атаманов,
Давно повешенных и там
Оставленных в пример вора.
Дождями небо их мочило,
А солнце знойное сушило,
Пустынный ветер их качал,
Клевать их ворон прилетал
И шла молва в простом народе,
Что обрываясь по ночам,
Они до утра на свободе
Гуляли, мстя своим врагам

Здесь, следовательно, воссозданы картины «вороньего пиршества», которые Пушкин (вспомним его «Ворон к ворону летит»!) запомнил, читая Потоцкого, и легенда о загадочных ночных путешествиях к подножью виселицы Лос Эрманос. «День второй» романа Потоцкого начинается именно с того, что Альфонс просыпается под виселицей, лежа между трупами «двух славных братьев-атаманов». Этот лестный эпитет основан на эпилоге четвертого, на пятом, шестом и седьмом «днях», т. е. на встречах Альфонса с Зото, братом «двух гитанов» великого шейха Гомелесов, под именем которых «трибунал в Гранаде, не желая показать своего бессилия», но не сумев их найти, «приказал

⁹ Los Hermanos (исп.) — братья

¹⁰ Ян Потоцкий Указ соч., стр. 9

схватить двух пастухов из долины и повесить их под именем братьев Зото»¹¹. Тема этих двух братьев — Чичо и Мемо, с которыми Альфонс встречается во дворце Зото (день пятый), причудливо трансформируется в других «днях» романа Потоцкого¹².

Если бы Пушкин действительно собрался писать поэму, в какой-то степени сюжетно связанную с «Рукописью», ему пришлось бы затронуть обширнейший и сложный круг демонологических верований, религиозных конфликтов и легенд, начиная с «истории вечного странника Агасфера» (этот персонаж, как мы знаем, занимал воображение Пушкина), ввести целую галерею других образов, — одним словом, решить задачу неимоверной трудности. Разумеется, всемогущество поэтического гения и пушкинская «*somma sapienza*» не позволяют нам усомниться в том, что даже такая задача могла бы быть решена автором «Медного всадника», — но ни одно его письмо, ни один черновик, — ничто, кроме цитировавшегося стихотворения, не позволяет нам высказывать хоть сколько-нибудь обоснованные предположения о существовании такого замысла у Пушкина в последние годы его недолгой и горькой жизни.

Но если попытаться вникнуть в смысл стихотворения «Альфонс садится на коня», не связывая его с сюжетными ходами «шкатулочного романа» Потоцкого, то пушкинское стихотворение можно считать вполне законченным произведением, навеянным не столько сюжетом «Рукописи», сколько образом героя. Начало стихотворения содержит экспозицию рыцарски смелого юноши, заключающуюся в его собственных словах. Автором этих слов является не Потоцкий, а Пушкин, но тема бесстрашия Альфонса проходит через всю «Рукопись» — достаточно вспомнить его поведение в тюрьме и в инквизиционном застенке (дни третий и четвертый), откуда его вызволил Зото, брат «двух гитанов». Пейзаж с виселицей Лос Эрманос как бы развивает образ Альфонса, которого не могут утратить трупы-призраки. И дорисовывается этот образ героя, мчащегося навстречу неведомым опасностям, заключительным четверостишием:

Альфонсов конь всхрапел и боком
Прошел их мимо, и потом
Пронесся резво, легким скоком,
С своим бесстрашным седоком.

Поэтический образ сеньора-рыцаря завершен. Ассоциации с образами «Рукописи», разумеется, вполне закономерны, — к тому же Пушкин оставил без изменения имя героя и в качестве первого испытания его мужества показал именно виселицу, играющую немаловажную роль в романе. Но вместе с тем стихот-

¹¹ Ян Потоцкий Указ соч., стр 46—76

¹² См., напр., там же, стр 241 (день 25).

ворение «Альфонс садится на коня» может, вне всякого сомнения, жить и своей собственной жизнью.

Обращаясь к новаторству Пушкина, нельзя не вспомнить написанное поэтом почти за десять лет до этого «отрывок» другое стихотворение, озаглавленное «Отрывок из поэмы Мицкевича»: «Конрад Валленрод». Этот «отрывок», действительно, представляет собою в общем довольно точный перевод «Вступления» (Wstęp) к знаменитой «поэтической повести» Мицкевича. Это вступление в оригинале состоит из 52 стихов, тогда как «отрывок» Пушкина — из 46. Казалось бы, русский поэт пропустил какие-то шесть строк оригинала, постаравшись избежать в своем тексте образов и выражений, которые могли бы привлечь внимание таких ищущих, как Бошняк или Бибииков.

Поиски этих шести строк окажутся тщетными, ибо 46 пушкинских строк по содержанию своему соответствуют 39 строкам оригинала, хотя уровень стихотворной техники поэта, разумеется, исключает предположение, что Пушкин «не смог» справиться с задачей достичь такого соответствия. Но, создавая данный «отрывок», Пушкин убрал все геалла, которые были бы совершенно необходимы, если бы у русского поэта существовал замысел перевести произведение своего польского собрата полностью. Поэтому исчезли слова о двух людях (Znałem ludzi dwoje), которым суждено было стать трагическими героями Мицкевича (т. е. Конрад и Альдона), исчезло предсказание о кровавых распрях, содержащееся в заключительном патетическом обращении к Неману, и о том, что «лишь сердца возлюбленных (Kochanków) вновь соединятся в песнях вайделота». Но Пушкин, воздавая должное гению Мицкевича, поставил перед собой иную задачу. Сохранив поэтические образы веточек хмеля, тянущихся к тополи, и соловьев, прилетающих друг к другу, несмотря на воинскую стражу, Пушкин отказался от «ковенских» и «запущаньских» соловьев, заменив их «соловьями дубрав и гор», отказался от образа вайделота Хальбана, без которого он, разумеется, не мог бы обойтись, если бы у него действительно возник замысел перевода «Конрада Валленрода». Такого замысла, видимо, у Пушкина и не было. Но именно этому отрывку суждено было стать первым из тех, в которых поэт, «намечая свой дерзостный путь», добился в сравнительно кратком стихотворении громадной силы обобщения, заменившего собою сюжет большого произведения. Вторым таким опытом мастера, не привившимся в мировой поэзии, было стихотворение «Альфонс садится на коня».

Поиски Пушкиным материалов о Потоцком¹³, ссылки на него, стихотворение «Альфонс садится на коня» — все это можно

¹³ Есть основания полагать, что поиски эти не ограничивались обращениями к графине Е. К. Воронцовой (урожденной графине Браницкой) и к графине Роксандре Эдлинг, с которой Пушкин познакомился в Одессе

считать доказательством того, что Пушкин проявлял исключительный интерес к Потоцкому. Здесь вспоминается и высказывание Мицкевича об авторе «Рукописи» из пятьдесят восьмой лекции, прочитанной 15 марта 1842 г. в Коллеж де Франс, — «un des écrivains les plus célèbres et le plus profonds de la Pologne («один из знаменитейших и глубочайших польских писателей»). Возникает вопрос, не было ли у Пушкина, помимо научных и поэтических, каких-либо иных побуждений воссоздать образ Яна Потоцкого?

Д. Д. Благой указывает, что примерно в пору написания «Стансов» (т. е. в конце 1826 г.) Пушкин задумывает пьесу о «трагедии Павла», в центре которой, вероятно, должно было стоять цареубийство, т. е. возвращается мыслью к одному из важнейших мотивов «Вольности». Правда, никаких следов осуществления этого замысла, настолько созревшего, что Пушкин рассказывал о нем в дружеской литературной среде, до нас не дошло. Д. Д. Благой цитирует собственноручно писанный Пушкиным (как полагает исследователь, в том же 1827 г.) перечень задуманных им драматических произведений: «Скупой, Ромул и Рем, Моцарт и Сальери, Дон Жуан, Иисус, Беральд Савойский, Павел I, Влюбленный бес, Димитрий и Марина, Курбский»¹⁴.

Говоря о том, насколько тяжелым ударом для Пушкина было запрещение Николаем не только к постановке, но и к печати «Бориса», Д. Д. Благой с полным основанием добавляет: «Уже совсем безнадежны в этом отношении были пьесы о Павле I и Иисусе»¹⁵. Почти полтора года отделяют запись Пушкина от появления в русской литературе образа Иешуа Га-Ноцри. Что касается «трагедии о Павле», то С. М. Бонди, тщательно изучавший вопрос, высказал такое предположение: «Скорее всего, Пушкин имел в виду взять темой убийство Павла и развернуть трагедию самодержавной власти»¹⁶.

Об убийстве Павла наиболее выразительные строки содержатся в оде «Вольность»:

О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...

Следующая строка — о «гибели увенчанного злодея» — не смягчает ни презрения к «бесславным ударам», ни многозначительного упоминания о «руке предательства наемной», связан-

¹⁴ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, стр. 134, 564.

¹⁵ Там же, стр. 565. Оба имени в публикации Анненкова (1855) были заменены многоточиями, превратившимися в буквы лишь в 1881 г.

¹⁶ С. Бонди. Драматургия Пушкина и русская драматургия.— В сб.: «Пушкин — родоначальник новой русской литературы». М.—Л., 1941, стр. 398—399.

ного, видимо, с «деятельностью» английского посла Уитворта, которого ненавидели и Павел и Наполеон. Следует напомнить о некоторых нюансах пушкинского «Воображаемого разговора с Александром I», где содержатся недвусмысленные намеки на отцеубийство и цареубийство. Пополним некоторые аспекты этих обвинений, приведя весьма справедливые, как нам кажется, замечания польского историка: «В конце мая 1797 г., когда Чарторьские (т. е. князь Адам и его брат Константин.— *И. Б.*) получили трехмесячный отпуск и уезжали к родителям, кн. Адам составил — уступая горячей просьбе своего друга (т. е. наследника цесаревича Александра Павловича.— *И. Б.*) проект манифеста к русскому народу об отречении от трона и провозглашении республики. Манифест этот должен был огласить Александр, если бы «неожиданно» вступил на престол (так как Павел I был совершенно здоров, а Чарторьский выезжал ненадолго, такое желание Александра кажется странным и может вызвать предположение, что уже тогда возникла мысль о свержении Павла с трона)»¹⁷.

Между тем новоявленный «республиканец» в письме своем от 24 сентября 1796 г. в отменных выражениях благодарил Екатерину за обещание передать ему престол, а еще до этого начал именовать Павла, который был тогда еще наследником престола (в письмах, полных сыновней любви и почтительности) — «императорским величеством»¹⁸. Мы не знаем всех деталей сложной игры, которую вели тогда Екатерина, ее сын, любовники и приближенные, игры, завершившейся в те дни, но знаем, что уже тогда достаточно отчетливо проявились черты, наиболее характерные для будущего императора Александра Благословенного, — трусость и лицемерие.

Несомненно, что выражение «рукой предательства *наемной*» (в оде «Вольность») свидетельствует о том, что Пушкин глубоко изучал «трагедию Павла» и имел о ней представление, существенно отличавшееся от общеизвестной¹⁹ (собственно говоря, тоже «наемной») версии о «плохом царе», версии, отнюдь не посягавшей на престиж «благословенных», «освободителей», «миротворцев» и проч. Напомним, что Павел I был убит именно тогда, когда Наполеон признал за ним права на Мальту, принадлежавшие Павлу «яко великому магистру ордена», да к тому же тогда, когда русские получили приказ двинуться к индийской границе.

Нет никакой надобности в апологии Павла I. Но Пушкин, который во многих случаях был *au courant de tout*, все же намеревался написать трагедию о незаурядном по своему культур-

¹⁷ *Jerzy Skowronek. Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego. Warszawa, 1969, str. 30.*

¹⁸ См.: *Е. С. Шумигорский. Императрица Мария Федоровна (1759—1828), т. I. СПб., 1892, стр. 433—436.*

¹⁹ Ср.: *Н. К. Шильдер. Император Павел Первый. СПб., 1901.*

ному уровню человеке²⁰, доведенном собственной матерью до состояния, близкого к психическому заболеванию. Если бы Пушкин хотел, как предполагает С. М. Бонди, «развернуть трагедию самодержавной власти», то разве мало было других сюжетов в ту эпоху? Думается, что коль скоро Пушкин остановился именно на этом персонаже (а замысел такой, конечно, мог возникнуть только в том случае, если автор «Медного всадника» был уверен в правоте суждения, что «рукописи не горят», как заверял булгаковского Мастера мессир Воланд), то побуждали его к этому несколько иные мотивы, размышляя о которых нельзя делать никаких поспешных заключений. И все же вспомним еще раз имя Яна Потоцкого.

Пушкину почти наверняка было известно, что автор «Рукописи» представлялся Павлу I не как императору всероссийскому, а как великому магистру «Державного ордена святого Иоанна Иерусалимского», т. е. ордена Мальтийских рыцарей, с которым Потоцкий был связан с юношеских лет. В 1778 г. он был принят в новициат ордена и в качестве «караваниста» плывал в Средиземном море, охраняя австрийские, венецианские и неаполитанские суда от нападений берберийских корсаров.

Аудиенция у Павла I состоялась в Мальтийском зале Михайловского дворца, за креслом императора стояли пажи в малиновых кафтанах, с малыми мальтийскими крестами на груди. Пажи Потоцкого, явившегося в мундире мальтийского рыцаря (в таких же мундирах были присутствовавшие на приеме русские камергеры) с наброшенным поверх него черным бархатным плащом, несли два щита, на пурпурном фоне которых были изображены герб Потоцкого и белый мальтийский крест.

Судя по всему, Пушкин представлял себе Павла не фарсовой, а трагической фигурой. Не исключено, что интерес Пушкина к жизни и деятельности Потоцкого был в какой-то степени связан с замыслом трагедии о Павле, тем более что поэт знал, как «властитель слабый и лукавый» боялся мести Ордена. Вскоре после убийства отца Александр, решив, видимо, откупиться от рыцаря, который мог стать опасным, пожаловал Яну Потоцкому звание тайного советника и орден святого Владимира первой степени. Российская Академия наук избрала его за «ученые изыскания» своим почетным членом. Но Потоцкий видел, как русский царь обманывает и его, и Чарторыского, и Огиньского, и многих других его соотечественников. В дни Венского конгресса Потоцкий покончил с собой. А мысли Пушкина устремлялись к нему даже после смерти Александра. Можно с уверенностью сказать, что

²⁰ Заметим, что «граф Северный» (под этим псевдонимом цесаревич Павел совершал путешествие по Европе в 1781 г.) был первым принцем крови, навесившим музыканта — совершенно потрясенного этой честью Глюка, в эпоху которого на людей его профессии смотрели, как на слуг. См.: *Rudolf Gerber. Christoph Willibald Gluck. Potsdam, 1950, S. 204.*

в задуманной трагедии о погибшем отце «плешивого шеголя» центральный персонаж не был бы охарактеризован эпитетами «властителя слабого и лукавого». Но очень вероятно, что ключ к постижению сложной судьбы Павла Пушкин искал в разных источниках, в частности в тайнах, окружавших имя Потоцкого.

К числу этих источников принадлежали, надо полагать, ставшие известными петербургской общественности беседы Павла I с освобожденным им из Шлиссельбурга Н. И. Новиковым и связанным с ним масоном И. В. Лопухиным, записки которого были впервые изданы в Лондоне Герценом. С Новиковым Павел говорил, в частности, о Мальтийском ордене, а по приезде в Петербург Станислава Понятовского, командора ордена, якобы предложил ему даже стать во главе приората, созданного в Петербурге²¹.

6 июня 1952 г., на заключительном заседании Четвертой все-союзной Пушкинской конференции академик Е. В. Тарле в блестящем докладе о Пушкине-историке заявил, что в ту эпоху никто не достиг столь высокого уровня в области исторической науки, как он. Поэт общался со многими людьми, которые были достаточно осведомлены о жизни русского двора и, в частности, представляли себе облик Павла I иначе, чем «официальные» историографы,—он знал, что события ночи с 11 на 12 марта 1801 г. были, по существу, не «дворцовым переворотом», а убийством, совершенным «рукой предательства наемной». Говоря об этой ночи, проф. А. З. Манфред приводит слова Наполеона: «Они промахнулись по мне 3 нивоза, но попали в меня в Петербурге»: Перечисляя имена заговорщиков, А. З. Манфред добавляет: «К горлу поверженного императора протягивались и длинные руки Уйтворта»²². Советский историк отвергает версию о «безумном царе», подчеркивая логичность и последовательность иностранной политики Павла²³,— даже поход на Индию в начале 1801 г., высмеянный многими историками, оказался частью грандиозного плана, создававшегося Павлом и Наполеоном. И это могло быть известным Пушкину.

Нет никакого сомнения, что, задумывая свою трагедию о Павле, поэт знал о принадлежности Потоцкого к Мальтийскому ордену, в мундире которого автора «Рукописи» видели в Петербурге многие. Роль Павла в истории ордена, как и поход в Индию, поныне пытаются объявить очередным симптомом «безумия».

²¹ Помимо мемуаров самого Понятовского, написанных к концу жизни и изобилующих курьезными выдумками, см.: *Marian Brandys. Nieznany Książę Poniatowski. Warszawa, 1960.*

²² А. З. Манфред. Наполеон Бонапарт. М., 1971, стр. 372, 373. См. также стр. 423, 430 и 490.

²³ Ежи Скворнек, изучив громадное количество архивных материалов, тоже показал «смысл и логическую последовательность внешней и внутренней политики Павла» (*Jerzy Skowronek. Указ. соч., стр. 14—15 и др.*)

В свое время князь А. А. Васильчиков писал: «С какой-то болезненной поспешностью самодержец всероссийский, первый сын, и даже, как он воображал себе, глава православной церкви, женатый, отец семейства, провозгласил себя гроссмейстером Мальтийского ордена, основами которого были безбрачие и латинство»²⁴.

Можно полагать, однако, что Генеральный капитул ордена имел более отчетливое представление о его «основах», а Пушкин располагал об истории ордена и о мнимой «поспешности» Павла более точными сведениями, чем князь Васильчиков. Русская общественность хорошо знала, какое значение придавал Павел I деятельности всех командорий великого приорства Российского. Орденские мундиры, а также ордена св. Иоанна Иерусалимского (патрона ордена) были постоянно видны при русском дворе. Представляется также несомненным, что Пушкин в той или иной мере понимал «герметический» смысл действий великого капитула древнего ордена иоаннитов,— так же, как Данте понимал сокровенную сущность учения тамплиеров, покоившегося на ненавистной церкви дуалистической основе.

Д. Д. Благой не раз подчеркивал стремление «русского Данте» опираться на фактически-достоверный материал во всех произведениях, в которых Пушкин обращался к прошлому. И личность Яна Потоцкого, мальтийского рыцаря-караваниста, мыслителя, ученого и художника, привлекала Пушкина по многим причинам, в частности же потому, что имя автора «Рукописи, найденной в Сарагоссе», было, как можно предположить, связано с неосуществленным замыслом трагедии о Павле.

Н. Н. Петрунина

*

О Петербургском тексте «Истории Пугачева»

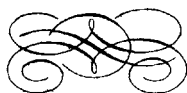
Первое документальное свидетельство работы Пушкина над «Историей Пугачева» относится к началу февраля 1833 г., а 22 мая помечен набросок ее эпилога. Несколько раньше, 8 мая Н. В. Гоголь писал М. П. Погодину: «Пушкин уже почти кончил Историю Пугачева. Это будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу

²⁴ А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских. СПб., 1882, т. III, стр. 284.

Академия наук СССР
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького

ИСКУССТВО СЛОВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 80-ЛЕТИЮ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
ДИМИТРИЯ ДИМИТРИЕВИЧА
БЛАГОГО

Издательство «Наука»
Москва 1973